Бабушка с разноцветными глазами

Роман Харисович Солнцев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Газета "Красноярский рабочий", 16 ноября 2005 год.
Рассказ писателя о своей семье.

- Роман СОЛНЦЕВ
  - ○

Роман СОЛНЦЕВ
БАБУШКА С РАЗНОЦВЕТНЫМИ ГЛАЗАМИ

У моей бабушки были глаза разноцветные - один зеленовато-синий, а другой чёрный. Рассказывают, её маленькую, в возрасте невесты (14 лет), дразнили ведьмой и побаивались. Юная, тоненькая Фатима за словом в карман не лезла, могла высмеять любого парня так, что тот долго ушами тряс, красный, как варёная свёкла, не зная, чем ответить. "Чего ты всё время бежишь? Ты чужую курицу украл? Это она у тебя в штанах болтается? Зачем так на меня смотришь? Это у судака глаза не закрываются. А ты же человек!" Как тут ответишь? Тем более красивая была девочка.

А жизнь у неё сложилась долгая и тяжёлая. Первый её муж, богобоязненный мужичок из крестьян, надорвался, помогая мельнику ставить многопудовые жернова, и умирал неделю, читая шёпотом молитвы... Второй муж (мой дед по отцу) пришёл с реки Кама, из рыбной артели, - погиб на войне с немцами перед самой революцией...

Мой же отец едва не сгорел в танке на второй Отечественной войне, а после фронта пошёл работать в милицию, и бабка, помню, кричала ему: "Зачем в пекло лезете, если нас уже ждёт пекло? Чего не сидится дома? Ты же хромой". И верно, её сыночек был хром, повредил в пятнадцать лет левую ногу на рубке леса (сшиб топором мениск), однако на фронт попросился добровольцем, стараясь не хромать перед медкомиссией в райцентре...

Однажды я, уже студентом, приехал в начале лета на каникулы домой и, искупавшись в местной речке, простудился. Бабушка отогнала от меня мою маму, сидела рядом несколько дней и ночей. Она гладила мне лоб, заглядывая в глаза то чёрным, то синим глазом, и всё время бормотала и пела молитвы на непонятном языке, а потом, оглаживая лицо сухими ладошками, что-то ещё добавляла пугающим свистящим шёпотом. Видимо, некие заговоры. "Какие ты молитвы читаешь?" - сердилась мать, в ту пору коммунистка, учительница в сельской школе. "Какие надо, такие читаю", - резко отвечала наша сухонькая, сутулая старушонка с чёрными чётками на красной нитке, продетыми меж пальцев.

До сих пор я вижу её в тёмном платке с красной искоркой, в длинном ситцевом платьишке, в галошах. На шее мониста из старых серебряных монет. До своей болезни я с ней всё время спорил о религии. "Где рай, который обещают попы и муллы?" - спрашивал дерзко. "Сейчас ты этого не поймёшь, как не поймёшь разговор синицы в окне", - отвечала она. "Почему рай по-татарски жьмох? Это всё равно что жмых. Пить нельзя, курить нельзя, ходи по струнке. Всё хорошее из человека выжмет религия, остаётся жмых. Нет, я не хочу в такой рай". Бабушка, замахав руками, ругалась себе под нос: "Ой, пожалеешь, несмышлёный парень... ой, что-нибудь потеряешь, бегая по танцам, что-нибудь отморозишь... Ой, господи, убей его молнией прямо в глупое темя!"

Я думал, бабушка ненавидит меня за глупые слова о религии, а вот же - сидит возле моей кровати и бормочет нараспев какие-то незнакомые слова... Отец, учивший в детские годы в медресе молитвы на арабском языке, послушав, усмехнулся: "О смерти она ему читает". Он сам был коммунист, но, как сейчас сказали бы, контактный.

Мать же, услышав слова отца, расстроилась и заплакала: "Зачем ты ему про смерть читаешь?" "Я читаю, потому что он всё равно умрёт... - отвечала грозно старуха. - Не сейчас, так позже. Но я уже могу не успеть ему почитать эти молитвы. Он же должен знать, какая дорога его ждёт". "И ты что, знаешь, какая дорога его ждёт?!" -язвительно воскликнула мать. - Отойди, я сейчас ему горчичники буду ставить!" "Ставь, - не возражала старуха. - Только мне не мешай, я дочитаю эти суры".

Мне было то жарко, то дикий холод пронизывал меня, такой, что зубы мои стучали. И однажды среди ночи я очнулся - рядом как привидение сидела в темноте снова она, моя бабушка, и, тряся головой, продолжала бормотать нараспев, несколько в нос, свои мольбы. А в окно светила луна, на улице играла гармонь, смеялись и визжали девушки. Лиловые тени ложились от рамы на золотые половицы. И в окне билась прозрачная бабочка, и тень от неё была огромная, она порхала по мне, как смерть.

У самой бабушки до глубокой старости оставались целы все зубы! Помню, мама этому изумлялась. А однажды я увидел и вовсе диковинную сцену: наша бабушка Фатима сидела возле горящей печки и, моргая от усердия, напильником шоркала себе во рту. "Что ты делаешь?!" - ахнул я. "Зуб точу. Грызла орех, зуб сломался, режет язык. - И, вынув напильник, пальцем попробовала во рту. - Теперь гладкий".

"Бабушка, кому и что ты говоришь в своих молитвах?" Старуха погасила улыбку, поперебирала шарики чёток и сказала

так: "Я прошу аллаха, мой дорогой внучек, чтобы, когда ты будешь переплывать огненную реку... ну, как твой Щапаев, - пояснила она, - чтобы тебя не клевали железные птицы в голову.. ну как твоего Щапаева".

Оказывается, она видела фильм "Чапаев", и он очень ей понравился. И далее весь рассказ свой она вела, сопоставляя с этим знаменитым фильмом. "Потому что огненную реку можно переплыть, если только не разговаривать. А если тебя будут клевать железные птицы и ты закричишь - огонь тебя засосёт. "А дальше?" - попросил я. "Дальше? - переспросила она, глянув на меня как-то строго. - Дальше будет другая огненная река". - "И там тоже будут пикировать железные птицы?" "Откуда ты знаешь? - удивилась старуха. - Да, там тоже будут железные птицы прыгать на тебя и клевать... но ты должен молчать... ну, как твой Щапаев". "А дальше?.." - не унимался я.

Старуха вдруг разгневалась. Щёлкнула меня костлявым пальцем по лбу. "Ты не понимаешь? Это очень долго... человек умирает долго... но пока он плывёт и старается молчать, он живой..." Я разочарованно кивнул и задремал. На улице девушки пели песни, играла гармонь, а я валялся больной, весь склизкий, с прилипшими к телу майкой и трусами, но я знал, что едва успею выздороветь - уеду, улечу обратно в город, к своим друзьям-студентам...

И я уехал. И через пару месяцев узнал, что бабушку похоронили. Она ходила к подруге через улицу по гололёду, оскользнулась и упала... И после этого не долго прожила... Болела тихо, ни на что не жаловалась, а перед самой смертью попросила подвесить над могилой кормушку для птиц, а чётки, которые постоянно держала в руках, передать внуку, то есть мне. В мой очередной приезд на родину эти чётки мне мать и отдала, сказав почти раздражённо: "Смотри, чтобы люди не увидели... Религия - это опиум для народа". Чётки были лёгкие, красная нить была продета сквозь дырочки в круглых шариках. Из чего эти шарики? Кажется, из каких-то отшлифованных семян. Для чего чётки? Для чтения молитв? Но чем они помогают? Ритм отбивать? Количество сур? Кто мне объяснит? Теперь уже никто...

Прошло несколько лет, серьёзно заболел мой отец - и я потерял моего молчаливого отца. Мать моя стала верующей и однажды, когда я прилетел в гости, спросила: "А чётки бабушкины ты хранишь?" "Кажется, - отвечал я. - Да, они у меня дома висят на гвоздике". "У меня тоже есть, - похвасталась мать и показала крупные, из красного стекла или пластмассы чётки. - Только я не знаю молитв. Что она тебе рассказывала, ты помнишь?" "Конечно, - отвечал я. - Когда мы будем умирать, а мы

все будем умирать... мы будем переплывать огненную реку. Ну, как Чапаев. Но мы не должны жаловаться. Нам на голову будут пикировать железные птицы, чтобы мы от боли закричали, открыли рты. Если закричим, нас тут же проглотит огонь".

Мать подумала и спросила: "А разве бывают железные птицы?" "Наверное, это метафора, - отвечал я. - Может, какие-то видения? Вон в тибетской "Книге мёртвых" сказано... после времени, равного вдоху и выдоху, ты увидишь..." "Ты такие книги читаешь?! - испугалась мать. И наивно пропела: - Заче-ем?!" "Но ведь мы всё равно все..." Мать закрыла мне ладонью рот: "Не надо так говорить. Дальше. Что она тебе рассказывала дальше?" "Дальше?.. - я пожал плечами. - Дальше будет другая огненная река. А там за холмами ещё одна... И надо плыть". Мать молчала. "И чем спокойней, терпеливей мы будем плыть, тем дольше мы будем жить". "Тогда она не про смерть тебе рассказывала! - воскликнула мать. - Про жизнь! Она была мудрая бабушка!" - "Конечно". - "Я зря её не любила! Он была умный человек... - И мать заплакала. - Я зря, зря не любила её..."

А я однажды плыл-таки через реку. В дикой тайге. И вдруг над моей головой показались железные птицы. Птицы кружились и пикировали, сбрасывая какие-то воющие грузы. Наверное, учения. Но почему не предупредили население? А здесь нет никакого населения. Два-три человека на сотни квадратных километров. Геологи. Бомжи. Беглые зеки.

Я старался не кричать. Потому что бесполезно. Но когда доплыл и, сняв с головы почти не намокшую одежду, разжёг костёр и понял, что остался жив, подумал: отныне любые огненные реки я переплыву терпеливо. Потому что меня заранее предупредила бабушка, которой в своё время очень понравился фильм "Чапаев".